

ЭКРАН И СЦЕНА

23—30 января

И сны в летние ночи, и зимние грезы, и вообще все в этом мире подчинено у Бориса Александровича Покровского одной цели — оперному спектаклю. Он поставил на сценах многих театров мира более двухсот опер. И это не итог, а некая величина, склонная к постоянному возрастанию. Вот и новый рубеж — собственное восьмидесятилетие — он встретил двумя премьерами. «Евгением Онегиным» в Большом и «Идиотом» М. Вайнберга в созданном им Камерном оперном театре. Он знает об опере все. И счастлив этим. Он постоянно открывает в ней новое. И этим счастлив вдвойне. Прислушаемся же к Мастеру. Мимолетный антракт для интервью между работой только законченной и новой, еще не начатой.

Рисунок Владимира Федоровича.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

АЛКОГОЛЬНЫЙ МИРАЖ, ИЛИ ЕВАНГЕЛИЕ ОТ... АБСУРДА.

Заметки о новом фильме Ю. Манусова «Выкидыш».

4 страница.

А БРЮНЕТ-ТО ЛЫСЫЙ...

Он же несчастный и одинокий. Он же полуинтеллигент-полудебил. Он же Петр Мамонов в спектакле Олега Бабицкого.

5 страница.

Евгений ГАБРИЛОВИЧ:

«Возможно, именно душегубы определяют перемещения Истории, а вовсе не те, что пишут и плачут о человеке...».

Фрагменты из книги «Вожди».

8—9 страницы.

СЕКС-ВОЙНА НА ДВА ФРОНТА.

Театральный фестиваль в Дублине.

12—13 страницы.

КТО ЗАВОЮЕТ АМЕРИКУ?

В американском конкурсе на лучший сценарий пять первых мест завоевали «наши». Кроме них, в конкурсе никто не участвовал.

16 страница.

Борис ПОКРОВСКИЙ:

«Я пока живу хорошо»

анатомирован волшебным-прекрасным искусством музыки человеческого духа.

Реальное, материальное действие и непознаваемость конструкции сердечных струн, быт и космос, логика и фантастика. Но восхищениями здесь не отделаешься. Нужен труд и пот. Нужно служить опере, созидать в ней. Но как «приобщиться» между Шекспиром и Верди, Чайковским и Пушкиным, Шостаковичем и Гоголем, Львом Толстым и Прокофьевым?.. (Вот компании какие!). Попробуй им соответствовать! Легко растаять среди них, легко и приятно!

Я понимаю режиссеров от драмы и кино, тех, кто достиг вершин и увидел за ними долину неудовлетворенности, когда они с надеждой и смелостью идут на поклон в оперу! Сначала Мейерхольд, затем Станиславский, Немирович-Данченко, Таиров, Охлопков, Симонов. Каждый из этих Мастеров нашел в свое время словечко восхищения Оперой и разочарования в ней. Кажется, волшебная синяя птица великого искусства рядом, а проснешься утром и видишь, что это всего-навсего милый, привычный серый воробей.

Более всего, в моем режиссерском детстве, презрительных уколов я получил от дружка студенческих лет. Дескать, чем занимаешься, смешное, глупое искусство. Но, став знаменитым, и он, по секрету от меня, где-то на окраине Европы оскоромился, не выдержал, поставил оперу. «По твоим же книжкам», — оправдывался он потом, хотя книги об оперной режиссуре я написал по его настоящему требованию. Любят и кинорежиссеры «пошалить с оперой». Как это понятно и хорошо. Тем не менее опера остается таинством, она обманчива, притягательна и мстительна. Джомолунгма!

Каждый по-своему хочет раскусить этот орешек. Но «по-своему-то нельзя, надо в законах этой оперы. А как знать их? Трудно это! Остается стремиться и достигать. На нашем ремесленном языке это значит — репетировать! Точно, Шаляпин так и говорил: «Есть один гений в театре — репетиция!»

Я не против хобби. Но главный интерес и, если хотите, хобби для режиссера — репетиция. Я удивляюсь открытиям каждой репетиции и очень любопытно: куда пошел мой спектакль?

Кстати, тут есть явный перекося в моей творческой жизни, теперь уж, по прошествии многих лет, в нем надо сознаться. Я очень люблю репетировать, то есть гнаться за синей птицей, но страдаю, когда смотрю спектакль, боюсь громко чирикающего воробья. Я был бы в отчаянии, если бы не знал, что хуже натурального воробья — ворона, размалеванная под жар-птицу. Сначала все смотрят на нее и кричат: «Смотрите, наконец-то впервые, изумительно, даже гениально!» Но искусственная, натурой не предусмотренная краска слетает, и ворона отправляется на свое место, куда ей полагается, на помойку.

Но если исповедоваться, то до конца. Признаюсь, что, начиная «задумывать» очередной спектакль, запасаюсь разными яркими-преяркими красками, чтобы покликнуть подмалевать великое естество взятой для постановки оперы. Но Бог хранит, стыд — тоже, и краски мои

(Окончание на 11-й стр.).

Есть люди, от которых заряжаешься как от аккумулятора. Таков Борис Александрович Покровский. Трудно поверить, что он празднует свой 80-летний юбилей. Праздник — в перерыве между премьерами, репетициями, гастролями, выступлениями. Он творит неумолимо, изо дня в день, подобно тому, как бьет источник. Интересно, о чем думает в эти дни Мастер оперной сцены!

Борис ПОКРОВСКИЙ:

«Я пока живу хорошо»

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

оказываются некачественными и разлетаются на первых же репетициях с актерами.

Актер, какой он ни есть — человек, натура, так сказать. «Чудить» с ним — конфузно, смущаюсь. Любит ли режиссер актеров? Любит. Всех? Всех. Кого в особенности? Того, с кем репетирует, готовя новый спектакль. Могу ли я быть к ним, артистам, несубъективным? Ведь в каждого, с кем я работал, я был влюблен. Это обязательно. В этом прелесть работы режиссера, в этом и залог успеха.

Меня всегда удивлял и восхищал процесс перестройки художника-артиста. Вот он в хлопотах обычной человеческой жизни, и вдруг — художник. И артист, который только что занимался сбором профсоюзных взносов, становится королем или нищим.

Знаменит ли он, артист, или вынужден удовлетвориться крохами настоящего успеха, все равно он — бог. Он — избранный, достойный поклонения. Вместе с тем он и несчастная жертва. Труженик.

С актерами в опере трудно. Вокалист не всегда музыкант и уж совсем не всегда актер. Выручает здесь формула Станиславского: «совершенно бездарного актера найти так же трудно, как и гениального». Так что опять — репетиции, пот, вздохи, слезы, выяснение отношений.

Всю жизнь мне приходится «пахать» на ниве актерства. Если говорить откровенно, то это есть главное в режиссуре оперы. Смотреть будут все равно на актера, слушать его же, в нем-то и должна заключаться опера.

В малюсеньком французском городочке далекой Гасконии, под названием Лектур, знойным летом второй уже год подряд занимаюсь я семинаром молодых артистов, любопытных до «системы Станиславского». В некоторой степени это те, которых трудно было найти великому режиссеру... но, если постараться, потренироваться, не пожалеть здоровья, то усилия трудолюбивого режиссера-педагога, глядишь, и приносят кое-какие результаты. А куда денешься? На Шалепиных природа скупа. От каждого зависит, что и как он поймет и почувствует в учении великого Мастера и как оно преобразит его творческую жизнь.

Первый свой оперный спектакль я поставил в 1937 году. За пятьдесят пять лет поставил около двухсот, мнит-ся, будто чуть больше. А театров-то, театров!!! И дома, и «за бугром». И все зовут и зовут.

Я влюбился в оперу в детстве, но мои вкусы, требования к музыкальному спектаклю перманентно меняются. Новое сегодня-завтра становится привычным, а потом отсталым. Театр все время меняет свои формы, приемы, манеру. С этим надо мириться.

Чудное это дело — творчество режиссера. Один в поле воин! Все зависит от него, и он больше всех зависит от всех. Как происходит сам творческий процесс, простите, рассказать не умею. Очень трудно рассмотреть у самого себя хрусталик глаза. Как можно «прослушать» свое собственное творчество?

Режиссеру надо почаще бывать одному. Одиночество — лаборатория режиссера перед тем, как он начнет «производство». Одиночество — профилакторий идей, их проверка, условие их появления и организация. Гулять по городу, по лесу лучше одному, поменьше говорить, побольше молчать и думать, хорошо и дома посидеть одному, просто так. Режиссер обречен на одиночество. С этим ничего не поделаешь, да и не надо ничего с этим делать!

Еще неизвестно, что полезнее — книга на полке или цветок на столе. Все решает целесообразность. Жизнь и быт должны приучать к чувству меры. Нельзя делать что-то только потому, что «так принято». Это всегда приводит в страну банальностей.

Откуда у меня энергия для работы в опере? От людей, которые, как по волшебству, окружали меня. Приехал ничего не умеющим студентиком на диплом в Горьковский оперный театр и встретил там в лице всех — родных и заинтересованных во мне людей, которые все и всё делали, чтобы я стал... художественным

руководителем этого солидного театра. А мне всего-то 25 лет. Приехали знатные люди из Москвы, а с ними Павел Александрович Марков, которому почему-то было ясно, что я «непременно» должен быть в Большом театре». В Москве, как будто, ждали меня. И сразу я — «в кругу знакомых и друзей». Шостакович, Вильямс, Барсова, Михайлов, Дмитриев, Прокофьев, Лемешев, Софроницкий, Козловский, Баратов, Федоровский и даже сама Антонина Васильевна Нежданова угощают меня чаем! Теперь бы у меня голова закружилась, а тогда все нипочем, мне уже тридцать с малюсеньким хвостиком. И все ко мне благожелательны, и будто всем я нужен!

Нужен! Это — самое большое счастье. Мне повезло. Когда я пришел в оперный театр, у лучших дирижеров (у каждого по-своему) созрела очевидная необходимость в режиссуре. Вот почему и Самосуд, и Голованов, и Пазовский, и Мелик-Пашаев (такие разные!) приняли меня — молодого, неизвестного режиссера из «провинции» — с любопытством и доверием. Они так боялись разочароваться во мне, что прощали многое, доверяли самые ответственные спектакли и не жалели для меня ни времени, ни усилий. Они воспитывали во мне свою мечту о режиссуре. Я был влюблен в Самосуда — человека, художника, открывателя! Склонности к парадоксам была у Самосуда одним из проявлений его обаяния. Естественно, попав под его влияние, я стал замечать и в себе эту склонность. Сначала я боролся с нею (не хотелось обезьянничать!), а потом, когда она перестала быть просто бытовыми «приемчиками» и перекочевала в область творчества, стала укрупняться, организовываться, я понял ее ценность. Это было некое творческое освобождение от предрассудков, предубеждений, привычек, от всего, что преподается, узнается, приобретает или устанавливается для себя как «закон», но что является, однако, не более чем ограниченностью воображения.

Все это удивительно! Удивительно и прекрасно. Это — радость моей жизни, которую, кстати сказать, тогда я воспринимал как нечто естественное, обычное, само собой разумеющееся. Сколь же важны для творчества, благожелательность, потребность в молодом художнике и вера в него.

Признаюсь, успех меня всегда больше поучал и подталкивал, помогал вскарабкаться на следующую ступеньку моей профессии, чем провал, равнодушие, которое всегда повергает меня в уныние, даже отчаяние. В этом нет ничего хорошего, но такой уж я.

Когда меня спрашивают, что я хочу поставить, я отвечаю: «То, что нужно театру, публике, времени, актерам, наконец». И, если угадываю, счастливи! Как мне драли уши за «нездоровый интерес» к Прокофьеву, Шостаковичу, Стравинскому и тем, кто с ними, но я-то был счастлив!!!

Каждый год в январе я праздную два рождения: свое и Камерного театра. Прибавление нового года в моей

жизни становится все грустнее и грустнее, зато прибавление каждого лишнего года в возрасте театра примиряет меня с непрерывным бегом времени. Конечно, приятен успех моего театра за рубежом, но счастье, когда в Германии, Чехо-Словакии, Японии или Италии на семинарах изучают принципы его искусства. Нужен! Всю жизнь жил тем, что впереди запланированы три-четыре постановки. В начале гастролей своего театра жду новых приглашений его в Париж, Токио, Мадрид, Стамбул... Хорошо!

В Токио подведены итоги культурных событий этого года — мой театр в первой пятёрке. Ура! Нужны! В Москве, в «верхах», готовится притеснение и уничтожение моего театра, не со зла, от незнания... Не нужен — горе! Великая благодать — человеческое тепло! Тепло без сквозняков красноречия, без застывших улыбок.

Одна маленькая страничка моей жизни согревает мое сердце до сих пор. Получали Ленинскую премию три человека — Игорь Владимирович Ильинский, Аркадий Исаакович Райкин и я. В какой-то момент мы трое сели в уголке и минутку помолчали, держа за руки. Что-то вечное и благодатное было в тепле их рук. Они оба смотрели на меня нежно и грустно, прощались, может быть? Но я-то с ними не простился и, вспоминая эту минутку, радуюсь тихо и светло. Вот и скажите теперь, что нет рядом со мной этих людей. Они близко со мною до конца, как многие люди, принесшие мне добро. Но как законсервировать эту благодать в искусстве? Водопады сердечных флюидов пропадают в сточных ямах пошлости и безвкусицы без ответа и внимания.

Мы и время? Никак нельзя было предугадать, что мы, так называемая «творческая интеллигенция», так оскандалимся в эпоху лихолетья и вседозволенности, не сумеем обуздать свою «художественную» безнравственность. Кто ожидал, что так сильно обнаружится наша страсть к плебейской «чернухе»? Ее же славят! Нам не стыдно быть пошляками, хвастать потерей чувства меры, афишировать и прославлять безвкусицу! Мы сорвались с цепи, объявив это свободой творчества, и бросились в глухие леса с глумом и разнузданностью, одичали. Чистоплотность в отношении к языку, приличиям поведения, авторам, авторитетам — все побоку. Можно оскорбить Президента, можно поставить квазибалет на музыку оперы, завоевывать публику неприличными жестами, похвально не зная орфоэпии, поиздеваться над ошибкой, сладострастно смаковать человеческие мерзости на сцене, экране, в печати.

Хотел сказать о совести художника, его благородстве, да боюсь показаться смешным и уж очень устаревшим. Цинизм нынче в моде.

Вот и еще раз благославляю оперу за ее чистоту, строгость, стиль за то, что помогает сохранять гармонию внутренней жизни.

Конечно, и с ней может произойти беда, но пока это искусство держится и развивается. О, сколько новых опер, несмотря ни на что, пишут наши композиторы, хороших, интересных! А сколько у них замыслов! Интересных и благородных! Много у нас и талантливых певцов, которые, возможно, станут актерами. Так спасет нас наш «консерватизм».

Собираюсь в Амстердам. Новая опера Альфреда Шнитке. Он сейчас приедет из Мюнхена, а его либреттист — из Москвы, Виктор Ерофеев. Дирижер тоже наш, Ростропович, хоть он из Вашингтона. Художник из-под Парижа — Кабаков, он, конечно, лучший знаток советского быта. Я тоже из Москвы. Кажется, команда интернациональная, а нет, думаю, что это будет опера о нас, «советских». Так что, неважно, где мы живем, важно, что мы все — русская культура.

Сейчас, пытаясь вспомнить ступеньки своего восхождения к манящим тайнам оперы, вижу себя на пути необозримого марша. И с каждым новым шагом вверх обнаруживаю, что ступеней прибавляется. Ступень, на которую взойшел или, вернее, с трудом и страхом вскарабкался, открывает еще более высокие мерцающие вдали цели.

Рисунки Владимира Федоровича.

Монолог записала
Наталья ПОЛЯКОВА.